

Толстой Лев Николаевич

**Много ли человеку земли
нужно?**

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Много ли человеку земли нужно?: Рассказ / Толстой Лев Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77219-8

ISBN 978-5-519-77219-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Слушалъ Пахомъ-хозяинъ на печи, что бабы балакають.

— Правда это, — говоритъ, — истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не пойдеть. Одно горе — земли мало! А будь земли вволю, такъ я никого — и самого чорта не боюсь!

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду и легли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что была бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

«Ладно, — думаетъ, — поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму».

II.

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у ней 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужи-

ками смирно—не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужиковъ штрафами. Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжитъ, либо корова въ садъ забредетъ, либо телята въ луга уйдутъ—за все штрафъ.

Расплачивается Пахомъ — и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала: хоть и жалко корму, да страху нѣтъ.

Прошелъ зимой слухъ, что продаетъ барыня землю, и что ладить купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики — ахнули. «Ну, — думаютъ, — достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя: мы всѣ у нея въ кругу». Пришли мужики къ барынѣ миромъ, стали просить, чтобъ не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дорожке заплатить. Согласилась барыня. Стали мужики ладить ми-

ромъ всю землю купить; собирались и разъ и два на сходки — не сошлось дѣло. Разбиваетъ ихъ нечистый, — никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилить. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у барыни 20 десятинъ сосѣдъ, и она ему половину денегъ на года разсрочила. Завидно стало Пахому. «Раскупятъ, — думаетъ, — всю землю, останусь я ни при чемъ». Сталъ съ женой совѣтоваться.

— Люди покупаютъ, надо, — говорить, — и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчелъ половину, да сына заложили въ работники, да еще у свояка занялъ, — и набралась половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю — 15 десятинъ съ лѣсочкомъ — и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15 десятинъ, ударилъ по ру-

камъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги—половину отдалъ, остальные въ два года обязался выплатить.

И сталъ Пахомъ съ землей. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатилъ долгъ и барынѣ и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей сѣно косилъ, со своей земли колья рубилъ и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотрѣть — не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растеть и цвѣты-то цвѣтуть на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ—земля какъ земля, а теперь совсѣмъ земля особенная стала.

III.

Живетъ такъ Пахомъ—радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью

просилъ—все не унимаются: то пастухи упустятъ коровъ въ луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдутъ. И сгонялъ Пахомъ и прощаль—все не судился; потомъ наскучило—сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлаютъ мужики, а думаетъ: «Нельзя же и спускать,—этакъ они все вытравятъ. Надо поучить».

Поучилъ такъ судомъ разъ, поучилъ другой; оштрафовали одного, другого. Стали мужики-сосѣди на Пахома сердце держать; стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срубалъ. Проѣхалъ по лѣсу Пахомъ,—глядь, бѣлѣтся. Подѣхалъ,—лутошки брошены лежатъ, и пенушки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайніе срубалъ, одну оставилъ, а то подъярь, злодѣй, всѣ счистилъ. Обозлился Пахомъ. «Ахъ,—думаетъ,—вызнать бы, кто это сдѣлалъ; ужъ я бы ему выместилъ». Думалъ, думалъ — кто. «Боль-

ше некому, — думаетъ, — какъ Семкѣ». Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать, ничего не нашелъ, только поругались. И еще больше увѣрился Пахомъ, что Семенъ сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили, — оправдали мужика: уликъ нѣтъ. Еще пуще обидѣлся Пахомъ; со старшиной и судьями разругался. «Вы, — говоритъ, — воровъ руку тянете. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ». Поссорился Пахомъ и съ судьями и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому въ землѣ жить просторнѣе, а въ міру тѣснѣе.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новыя мѣста. И думаетъ Пахомъ: «Самому мнѣ отъ своей земли итти незначѣмъ, а вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, — у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то — все тѣснота».

Сидитъ разъ Пахомъ дома, заходитъ мужикъ прохожій. Пустили ночевать

мужика, покормили; разговорились,— откуда, молъ, Богъ несетъ? Говорить мужикъ, что идетъ снизу, изъ-за Волги,— тамъ въ работѣ былъ. Слово за слово, — рассказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Рассказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписались въ общество, и наръзали имъ по 10 десятинъ на душу. А земля такая, говоритъ, что посѣяли ржи, такъ солома — лошади не видать, а густая: что горстей пять и — снопы. Одинъ мужикъ, говоритъ, совсѣмъ бѣдный, съ однѣми руками пришелъ, а теперь — шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: «Что жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить? Продамъ здѣсь и землю и дворъ; тамъ я на эти деньги выстроюсь и заведеніе все заведу. А здѣсь, въ этой тѣснотѣ, грѣхъ одинъ. Только самому все путемъ вызнать надо».

Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плылъ по Волгѣ внизъ на паро-

ходѣ, потомъ пѣшій верстѣ 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живутъ мужики просторно, по 10 десятинѣ земли на душу нарѣзано, и принимаютъ въ общество съ охотой. А коли кто съ денежками,—покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько хочешь, по 3 рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно.

Разузналъ все Пахомъ, вернулся къ осени домой, сталъ все распродавать. Продалъ землю съ барышомъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества, дождался весны и поѣхалъ съ семьей на новыя мѣста.

IV.

Приѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, приписался въ большое село въ общество. Попоилъ стариковъ,—бумаги всѣ выправилъ. Приняли Пахома, нарѣзали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построил-

ся Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевой противъ прежняго втрое стало, и земля хлѣбородная. Житье противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли и кормовъ—вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился—и на этой землѣ тѣсно показалось. Посѣялъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой,—хороша уродилась. Разохотился онъ пшеницу сѣять, а душевой земли мало. И какая есть—не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или залежной землѣ сѣютъ. Посѣютъ годъ-два—и запускаютъ, пока опять ковылемъ прорастетъ. А на такую землю охотниковъ много,—на всѣхъ и не хватаетъ. Тоже изъ-за нея споры; побогаче кто—хотятъ сами сѣять, а бѣдняки отдаютъ купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ

побольше, родилось хорошо; да далеко отъ села: верстѣ за 15 возить надо. Видить—въ округѣ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣютъ. «То ли дѣло,—думаетъ Пахомъ,—коли бы тоже въ вѣчность землицы купить да построить хуторъ! Все бы въ кругу было». И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить.

Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу сѣялъ. Года вышли хорошіе, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежные завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая земляца есть, сейчасъ налетятъ мужики, всю разберутъ; не успѣлъ укупить—и не на чемъ сѣять. А то купилъ на третій годъ съ купцомъ пополамъ выгонъ у мужиковъ, и вспахали ужъ, да судились мужики,—такъ и пропала работа. «Кабы своя земля была,—думаетъ,—никому бы не кланялся, и грѣха бы не было».